

ЗАПИСКИ
ВОСТОЧНАГО ОТДѢЛЕНІЯ
ИМПЕРАТОРСКАГО
РУССКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

ИЗДАВАЕМЫЯ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ УПРАВЛЯЮЩАГО ОТДѢЛЕНІЕМЪ

Барона **В. Р. Розена.**

ТОМЪ ДВѢНАДЦАТЫЙ.

1899.

(СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ДВѢНАДЦАТИ ТАБЛИЦЪ И ОДНОГО ПОРТРЕТА).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Выс. Остр., 9 лпн., № 12.

1900.

Прошлое приаральскихъ степей въ преданіяхъ киргизъ Казалинскаго уѣзда ¹⁾.

I.

Прежнее теченіе рѣкъ Сыръ-Дарья и Аму-Дарья. Народы, населявшіе въ прежнее время низовья этихъ рѣкъ. Исторія Байсынскаго хана Аяза и его вельможи Атымтай. Исторія Адагійскаго хана Фасыла и гибели Адагійскаго царства. Образованіе Аральскаго моря и произведенныя этимъ измѣненія въ теченіи рѣкъ Сыръ-Дарья и Аму-Дарья. Переселеніе байсынцева и образованіе Ургенчскаго царства.

Въ прежнее время Аральскаго моря не было, а рѣки Сыръ-Дарья и Аму-Дарья, соединяясь вмѣстѣ, текли черезъ Лаузанъ, Куня-Ургенчъ и Айбугиръ въ Астраханское море (Каспійское).

Въ низовьяхъ Сыръ-Дарья, до соединенія ея съ Аму-Дарьею, на мѣстѣ нынѣшняго Аральскаго моря, обиталъ народъ Адагы ²⁾, ханомъ котораго былъ Фасылъ-ханъ. Отъ мѣста же соединенія Сыръ-Дарья съ Аму-Дарьею и до Астраханскаго моря обиталъ народъ Байсынъ, ханомъ котораго былъ Аязъ-ханъ.

Судьба послѣдняго была въ высшей степени замѣчательна. По происхожденію Аязъ-ханъ былъ персіяниномъ, захваченнымъ еще въ дѣтствѣ въ плѣнъ и обращеннымъ въ рабство однимъ байсынскимъ вельможею. Онъ оказался однако настолько хорошимъ мальчикомъ, что вельможа воспиталъ его наравнѣ съ своими сыновьями; когда же по смерти вельможи вдова его начала нуждаться въ средствахъ, то она хотѣла продать въ рабство одного изъ своихъ родныхъ сыновей, а Аяза оставить у себя. Но Аязъ по своему благородству не допустилъ до этого и настоялъ на томъ, чтобы продали въ рабство его. Его вывели на базаръ и просили за него такое количество золота, которое равнялось бы вѣсу его самого. Разумѣется, такой суммы никто не давалъ, и всѣ только удивлялись этому.

Въ концѣ концовъ вѣсть объ этомъ дошла до тогдашняго хана байсынцева (имя этого хана неизвѣстно), который и заключилъ изъ разсказовъ, что продаваемый рабъ долженъ обладать какими-нибудь изъ ряда вонъ выходящими знаніями, почему и велѣлъ привести его къ себѣ, чтобы испы-

1) Записано 26 іюня 1898 г. со словъ 78-лѣтняго старца-слѣпца, киргиза аула № 6 Макбальской волости, Казалинскаго уѣзда, Тенгрибергена Джайляубаева.

2) Если производить это слово отъ турецко-джагатайскаго «ада» (островъ), то оно будетъ значить «островитяне». Можетъ быть, отсюда и названіе Аральскаго моря (островное). Не есть-ли это массагеты Геродота, жившіе, по его словамъ, по островамъ р. Аракса? Замѣчательно также созвучіе съ «дагюетами» китайскихъ лѣтописей.

тать его способности. Когда Аязъ привели, то ханъ предложилъ ему въ видѣ угощенія мясо чернаго барана, изрубленное мелко. Послѣ того какъ Аязъ наѣлся, ханъ спросилъ его, чтѣ онъ ѣлъ. Аязъ отвѣтилъ, что онъ ѣлъ мясо чернаго барана, похожее очень на мясо собаки. Ханъ крайне удивился такому заявленію и, по просьбѣ Аяза, велѣлъ позвать хозяина барана, чтобы спросить, почему мясо отзывается собакой. Перепуганный хозяинъ барана сознался въ томъ, что, когда мать барана умерла вскорѣ послѣ его появленія на свѣтъ, онъ сосалъ ходившую при стадѣ собаку; оттого и мясо его похоже на собачье ¹⁾. Ханъ подивился мудрости Аяза и подарилъ ему калачъ. Вскорѣ послѣ этого ханъ, собирався куда-то ѣхать, велѣлъ опять позвать Аяза и, указавъ ему на двухъ лошадей, просилъ отгадать, каковы ихъ качества. Аязъ отвѣтилъ, что обѣ лошади хороши, но на одной изъ нихъ ѣздить опасно, такъ какъ она по временамъ брыкается, какъ корова. Знаяшій качества своихъ лошадей, ханъ удивился прозорливости Аяза и велѣлъ позвать хозяина лошади, чтобы узнать о причинѣ недостатка послѣдней. Приведенный хозяинъ сознался, что лошадь, оставшись еще маленькимъ жеребенкомъ безъ матери, сосала корову, отчего и приобрѣла нѣкоторыя ея качества. За эту отгадку ханъ подарилъ Аязу опять калачъ. Затѣмъ ханъ показалъ Аязу свой перстень, называвшійся «Айнаджанъ», въ которомъ былъ вставленъ дорогой камень, и предложилъ высказать свое мнѣніе о перстнѣ. Аязъ, осмотрѣвъ перстень, заявилъ, что внутри камня скрытъ червякъ, въ чемъ ханъ и можетъ убѣдиться, разбивъ камень; при этомъ онъ, Аязъ, предоставляетъ хану право отрубить ему голову, если его слова окажутся невѣрными. Когда разбили камень, то изъ него, дѣйствительно, выползъ червякъ. Ханъ опять подарилъ Аязу калачъ и, кромѣ того, сочтя способности его достаточно испытанными, поручилъ ему караванъ, нагруженный изюмомъ, который и велѣлъ везти въ чужія государства и продавать, а вырученные отъ продажи деньги представить ему. Принявши караванъ, Аязъ добрался съ нимъ до Астраханскаго моря и высыпалъ тамъ на берегу изюмъ съ цѣлью провѣтрить его, а самъ съ возчиками легъ отдохнуть. Въ это время изъ моря вылѣзли черти и утащили изюмъ въ подводное царство. Проснувшійся Аязъ былъ очень огорченъ пропажей изюма и, погоревавъ, опять заснулъ. Подводный царь сжалился надъ Аязомъ и велѣлъ чертямъ высыпать изюмъ обратно на берегъ: при высыпаніи изюмъ обратился въ драгоценные камни. Проснувшійся Аязъ столь же обрадовался, сколь раньше былъ огорченъ, и поскорѣе, пока воз-

1) Тотъ-же мотивъ у В. В. Радлова въ III томѣ его «Образцовъ», стр. 391 (нѣм. перевода).

чпки не проснулись, высыпалъ камни въ мѣшки, а сверху положилъ кизяку, чтобы никто не догадался, что лежитъ въ мѣшкахъ. Затѣмъ, когда возчики проснулись, онъ объявилъ имъ, что надо возвращаться домой, и сдать имъ мѣшки, отобравши росписку въ томъ, что они отвѣчаютъ за цѣлость содержимаго мѣшками стоимостью онаго. На обратномъ пути караванъ былъ разъ застигнутъ дождемъ, при чемъ возчики сильно промокли и, чтобы обсушиться, должны были развести огонь, но топлива не находили. Тогда Аязъ вскрылъ одинъ мѣшокъ и вынулъ оттуда кизяку. Возчики замѣтили это и рѣшили, что Аязъ думаетъ обмануть хана, подмѣнивъ пзюмъ кизякомъ. Поэтому, когда караванъ прибылъ въ столицу хана, возчики явились къ послѣднему и заявили о своемъ подозрѣнн. Ханъ потребовалъ отъ Аяза объясненій. Тотъ предъявилъ хану росписку возчиковъ въ томъ, что они отвѣчаютъ за цѣлость всего содержимаго мѣшками стоимостью онаго, и объяснилъ, что одинъ мѣшокъ былъ вскрытъ. Ханъ призналъ возчиковъ отвѣтственными въ этомъ случаѣ и, чтобы опредѣлить стоимость содержимаго мѣшковъ, позволилъ Аязу высыпать ихъ. Когда изъ мѣшковъ посыпались драгоценные камни, всѣ были изумлены, а возчики просили у Аяза прощенія, ибо ханъ приговорилъ ихъ къ смертной казни. Аязъ простилъ возчиковъ и исходатайствовалъ имъ у хана помилованіе, а камни отдалъ хану, какъ своему хозяину. Пораженный дарованіями Аяза, ханъ задалъ ему еще одинъ вопросъ, а именно просилъ отгадать, кто онъ такой. Аязъ отвѣтилъ на это, что, хотя онъ и ханъ, но по происхожденію не царскаго рода, а калачникъ, ибо одаривалъ его, Аяза, за отгадки до сихъ поръ калачами, т. е. вовсе не по-царски. Когда сконфуженный ханъ потребовалъ доказательствъ, Аязъ просилъ хана позвать его мать и выпытать отъ нея истину объ его происхожденіи. Послѣ долгихъ запырательствъ мать хана наконецъ созналась въ томъ, что ея собственный сынъ, бывшій у нея единственнымъ, умеръ вскорѣ послѣ рожденія, и она взяла къ себѣ на воспитаніе родившагося одновременно съ ея сыномъ сына придворнаго калачника: этого-то мальчика они съ мужемъ и выдавали за собственнаго сына и наследника престола, такъ что по смерти ея мужа пріемышъ сдѣлался ханомъ. Узнавши такъ неожиданно о своемъ происхожденіи и окончательно убѣдившись въ сверхъестественныхъ дарованіяхъ Аяза, ханъ отказался отъ престола и передалъ царство Аязу, какъ болѣе достойному этого. Сдѣлавшись ханомъ, Аязъ отличался справедливостью и хорошимъ отношеніемъ къ народу, а, чтобы не забывать о своемъ происхожденіи, велѣлъ въ компанѣ, гдѣ онъ творилъ судъ и рѣшалъ государственныя дѣла, повѣсить лапти (جأ روق), которые онъ носилъ, когда былъ рабомъ: поэтому онъ

такъ близко и принималъ къ сердцу народныя нужды ¹⁾. Славою и блескомъ своего царствованія Аязъ-ханъ былъ обязанъ не только самому себѣ, но и вельможамъ своимъ, изъ которыхъ особенно выдѣлялся Атымтай. Этотъ вельможа славился своимъ богатствомъ и щедростью, которую онъ проявлялъ по отношенію къ народу. Всякаго, приходящаго къ нему, безъ различія званія, онъ угощалъ до того хорошо, что самъ прислуживалъ и все спрашивалъ, доволенъ-ли гость, а при разставаніи щедро одаривалъ золотомъ. Когда домашніе его, не одобрявшіе такой расточительности, запирали двери его кибитки, чтобы не дать ему возможности принимать гостей и просителей, то онъ просовывалъ куски золота въ отверстія между рѣшетками кибитки. И чѣмъ больше раздавалъ денегъ этотъ великодушный человѣкъ, тѣмъ больше Богъ посылалъ ему богатствъ. Но у Атымтая, какъ у всякаго хорошаго человѣка, было много враговъ, которые, задавшись цѣлью сдѣлать ему непріятность, рѣшили посорить его съ его закадычнымъ другомъ, русскимъ княземъ Научарбаномъ Справедливымъ ²⁾. Съ этою цѣлью они наговорили Научарбану, что будто бы Атымтай измѣнилъ ему и замышляетъ противъ него козни. Возмущенный вѣроломствомъ друга, Научарбанъ воспыалъ гнѣвомъ на Атымтая и издалъ по своему государству указъ такого рода, что, если кто привезетъ ему голову Атымтая или его лошадь, по имени Акъ-тамакъ, за того онъ выдастъ замужъ дочь. Нашелся въ царствѣ Научарбана одинъ богатырь, по имени Аяръ, который и взялся исполнить нелегкое порученіе своего государя. Два мѣсяца ѣхалъ онъ до резиденціи Атымтая черезъ безводныя степи, отдѣлявшія владѣнія Научарбана отъ Атымтаевыхъ. Когда наконецъ прибылъ онъ въ замокъ Атымтая, послѣдній принялъ его, по обыкновенію, радушно и, не имѣя въ то время ничего, чѣмъ бы могъ угостить его, зарѣзалъ свою любимую лошадь Акъ-тамакъ. Послѣ ѣды Аяръ легъ отдохнуть, а Атымтай сѣлъ около него, чтобы слѣдить, какъ онъ всегда дѣлалъ при приѣмѣ гостей, не жестко ли спать гостю, не захочется ли ему пить и т. п. Аяръ между тѣмъ, притворившись спящимъ, выжидалъ, не задремлетъ ли самъ Атымтай, чтобы воспользоваться этимъ, вытаскать мечъ изъ подъ подушки и отрубить Атымтаю голову. Но сколько разъ онъ ни открывалъ глаза, все видѣлъ Атымтая бодрствующимъ, и этотъ каждый разъ обезпokoенно спрашивалъ его, не жестко-ли ему спать, не хочется-ли чего нибудь и т. д. Подъ ко-

1) Ср. легенду о чешскомъ князѣ Пшемислѣ, мужѣ Любуши.

2) Научарбанъ фигурируетъ въ нѣкоторыхъ киргизскихъ пѣсняхъ въ качествѣ вообще князя невѣрныхъ, побѣжденнаго сподвижниками Алія при водвореніи Ислама въ Средней Азіи. Несомнѣнно, это—персидскій царь Нуширванъ Справедливый.

нець Аяръ почувствовалъ угрызенія совѣсти и созналъ всю низость задуманнаго имъ плана, всталъ и открылся во всемъ Атымтаю. Послѣдній однако нисколько не былъ возмущенъ тѣмъ, что услышалъ, и даже самъ выпулъ изъ подъ подушки Аяра мечъ и поставилъ свою голову, предлагая Аяру отрубить ее. Растроганный до глубины души Аяръ, извинялся передъ Атымтаемъ и ни за что не соглашался на его убійство; Атымтай же настаивалъ на этомъ упорно. Долго длился между ними споръ, и его разрѣшила только жена Атымтая, которая не спала вслѣдствіе предчувствія чего то недобраго и подслушивала ихъ разговоръ. Она предложила Аяру надѣть на ея мужа узду и вести его въ поводу къ Научарбану, чтобы послѣдній самъ отрубилъ голову своему бывшему другу. На этомъ и порѣшили, и черезъ 2 мѣсяца Аяръ представилъ Атымтаю къ подножію трона Научарбана, которому и рассказалъ обо всемъ случившемся, присовокупивъ, что онъ лучше готовъ отказаться отъ руки царицы, чѣмъ видѣть отрубленной голову благороднѣйшаго изъ людей. Атымтай же напротивъ настаивалъ на отнятіи у него головы и вознагражденіи за это Аяра рукою царицы. Научарбанъ былъ растроганъ этой сценою, вполне созналъ всю ложь небылицъ, наговоренныхъ ему на Атымтаю и ни за что, разумѣется, не хотѣлъ согласиться на просьбу послѣдняго. Кончилось тѣмъ, что Научарбанъ согласился по просьбѣ Атымтая на бракъ своей дочери съ Аяромъ безъ всякихъ условій, а самого Атымтая разцѣловалъ, посадилъ возлѣ себя на тронѣ, угостилъ еще лучше прежняго и проводилъ до его владѣній съ величайшими почестями. Съ тѣхъ поръ дружба между Атымтаемъ и Научарбаномъ еще болѣе окрѣпла. Таковъ былъ Атымтай. Когда онъ умеръ, то народъ байсинскій почувствовалъ себя какъ бы опротоѣлымъ. Тогда младшій братъ Атымтая, завидовавшій его популярности, рѣшилъ подражать ему и началъ такъ же, повидимому, щедро одарять народъ. Но, такъ какъ онъ дѣйствовалъ съ расчетомъ и все заботился, какъ бы не передать кому лишняго, то Богъ и не прибавлялъ ему богатствъ, такъ что послѣднія скоро начали изсякать. Огорченный этимъ, братъ Атымтая разъ излилъ свое горе передъ матерью. Послѣдняя, выслушавъ его, сказала ему слѣдующее: «Никогда тебѣ не быть Атымтаемъ! и вотъ почему: когда Атымтай былъ еще груднымъ младенцемъ, то бывало, поднесешь ему грудь, онъ не беретъ ея и плачетъ; думая что молоко не хорошо, я давала сначала отсасывать его чужимъ дѣтямъ, и тогда только Атымтай прикасался къ груди. Такъ какъ это повторялось постоянно, то я поняла наконецъ, въ чемъ дѣло, и кормила Атымтаю только тогда, когда накамливала всѣхъ чужихъ дѣтей. Ты же, наоборотъ, всегда набрасывался съ жадностью на подносимую тебѣ грудь и поднималъ страшный крикъ, когда я пробовала давать ее какому нибудь другому ребенку. Поэтому то тебѣ никогда и

не быть Атымтаемъ!..» Тогда братъ Атымтай созналъ, что черствой души не передѣлаешь, и отказался отъ мечты наслѣдовать славу своего брата¹⁾.

Насколько были справедливы и хороши для народа Аязъ-ханъ и его вельможи, настолько жестокъ и развратенъ былъ вмѣстѣ со своими приближенными сосѣдъ его Фасыль, ханъ адагійскій. Этотъ государь проводилъ время преимущественно въ соколиной охотѣ, послѣ которой всегда устраивалъ пиршества въ своемъ дворцѣ. На эти пиршества онъ приказывалъ собирать всѣхъ красивыхъ женщинъ и дѣвушекъ своей столицы. Когда всѣ переливались, Фасыль-ханъ давалъ своимъ придворнымъ разрѣшеніе на то, чтобы каждый ложился спать съ той женщиной или дѣвушкой, какая кому понравилась. Разъ во время одной такой попойки однимъ изъ придворныхъ Фасыль-хана была обезчещена дочь одного ишана, почитаемаго всѣмъ народомъ и считавшагося за святого. Разгнѣванный ишанъ, узнавъ объ этомъ, явился во дворецъ и сотворилъ молитву Богу о наказаніи нечестиваго хана. По его молитвѣ поднялась буря, и вода какъ въ Сырь-Дарьѣ, такъ и въ Аму-Дарьѣ поднялась и затопила все царство печестиваго Фасыль-хана. Образовалось, такимъ образомъ, Аральское море, а рѣки Сырь-Дарья и Аму-Дарья стали впадать въ него въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ и понынѣ находятся ихъ устья; соединенное же русло рѣкъ, отъ Айбугиры до Астраханскаго моря, пересохло, и народъ байсынскій, жившій тамъ, долженъ былъ переселиться на мѣсто, гдѣ теперь находится Хива. Съ тѣхъ поръ царство и народъ Аязъ-хана стали называться «Ургенчъ». Адагійцы же и города ихъ всѣ погибли подъ водой, и даже теперь въ ясные дни на днѣ Аральскаго моря или на берегахъ, поднимающихся изъ его водъ вслѣдствіе усыханія его, можно видѣть сооруженія вродѣ теперешнихъ мазарокъ²⁾.

II.

Дальнѣйшія судьбы Ургенческаго царства и земель, примыкавшихъ къ погибшему Адагійскому царству. Народы Катаганъ и Мугаль и ихъ ханы. Исторія Мугальскаго Хана Санджара и гибели его столицы Джангента. Народы Ногаи, Калмаки и Каракалпаки и ихъ ханы. Появленіе въ низовьяхъ Сырь-Дарьи Киргизъ-казаковъ.

Дальнѣйшія судьбы Ургенческаго царства, образовавшагося на мѣстѣ Байсынскаго, въ точности неизвѣстны; извѣстно только, что послѣ Аязъ-

1) Въ этомъ сказаніи о щедромъ Атымтаѣ ясно слышатся отголоски арабскихъ преданій о Хатимѣ Тайитѣ. Самое имя Атымтай повидимому передѣлано изъ Хатим-Тай. Бар. В. Розенъ].

2) Киргизы Макбальской волости, населяющіе нынѣ устье Сырь-Дарьи и прилегающее къ нему побережье Аральскаго моря, подтверждали справедливость словъ рассказчика и предлагали мнѣ показать подобныя мѣста, но мнѣ, къ сожалѣнію, не удалось воспользо-ваться этимъ предложеніемъ за недостаткомъ времени.

хана тамъ правилъ Багыръ-ханъ. Что же касается земель, примыкающихъ къ прежнему Адагійскому царству, т. е. къ нынѣшней нижней части Сыръ-Дарьи, то въ эти мѣста вскорѣ послѣ гибели Адагійскаго царства пришелъ народъ Катаганъ, ханомъ котораго былъ Турсунъ. Царство катаганцевъ существовало однако недолго. На смѣну катаганцамъ вскорѣ пришелъ народъ Мугаль. Ханомъ этого народа, — какъ разъ современникомъ ургенчскаго Багыръ-хана, — былъ Санджаръ, царствовавшій довольно продолжительное время. Столицею этого государя, отличавшагося справедливостью, былъ городъ Джангентъ, развалины котораго существуютъ и по-нынѣ¹⁾. Конецъ Санджаръ-хана и его царства былъ весьма печаленъ и случился при слѣдующихъ обстоятельствахъ.

У Санджаръ-хана была красавица-жена, по имени Бекмана, которую онъ страшно ревновалъ. Она была дочерью одного святаго челоѣка, по имени Кара-Буры. Разъ Санджаръ, возвращаясь съ охоты, пробѣжалъ степью и увидѣлъ змѣю, совокупающуюся съ ящерицей. Возмущенный этой безобразной сценою, Санджаръ отрубилъ саблей змѣѣ хвостъ. Змѣя, возвратившись къ себѣ въ логовище, рассказала о постигшемъ ее несчастіи мужу, скрывъ, конечно, подробности, и потребовала, чтобы тотъ отомстилъ за безчестіе Санджару, грозя въ противномъ случаѣ уйти отъ него. Змѣй отправился въ Джангентъ во дворецъ Санджара, подползъ къ двери спальни Бекманы, гдѣ въ то время находился Санджаръ, и остановился подслушать разговоръ, который велъ въ это время ханъ со своей женой. Санджаръ, какъ оказалось, говорилъ вообще о невѣрности женъ и легкости, съ какою онѣ измѣняютъ мужьямъ, и въ подтвержденіе справедливости своего мнѣнія привелъ случай со змѣею и ящерицею, очевидцемъ котораго онъ только что былъ при возвращеніи съ охоты. Узнавъ, такимъ образомъ, истину и вполне одобрявъ поступокъ Санджара, наказавшаго его вѣроломную жену, змѣй возвратился домой и прогналъ отъ себя невѣрную жену.

Вскорѣ послѣ этого происшествія Санджаръ опять отправился на соколиную охоту, но, едва только онъ отъѣхалъ отъ города, какъ спохватился забытой дома шапочки, надѣваемой на глаза сокола («томага»). Тотчасъ же послалъ онъ за ней невольника. Посланный невольникъ какъ разъ былъ страстно влюбленъ въ Бекману, жену Санджара. Прибывъ во дворецъ послѣдняго, невольникъ прямо направился къ царицѣ и попросилъ выдать ему забытый колпачекъ. Когда Бекмана принесла колпачекъ и протянула руку, чтобы передать его невольнику, послѣдній схватилъ ее за руку и привлекъ къ себѣ съ явнымъ намѣреніемъ обнять и поцѣловать. Бекмана сопротивля-

1) Верстахъ въ 20 отъ г. Казалинска внизъ по Сыръ-Дарьѣ.

лась, и въ концѣ концовъ ей удалось вырваться изъ рукъ невольника. Раздосадованный рабъ поклялся отомстить Бекманѣ за свою неудачу и отправился съ колпачкомъ къ Санджару. Послѣдній началъ выспрашивать его, когда онъ вернулся, почему онъ замѣшкался. Послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ отвѣтовъ невольникъ заявилъ, что, если царь обѣщаетъ пощадить его жизнь, онъ расскажетъ всю правду. Когда Санджаръ далъ просимое обѣщаніе, невольникъ заявилъ, что, будто-бы, во время передачи колпачка онъ былъ удержанъ Бекманою, которая и склонила его къ преступной связи. Санджаръ повѣрилъ этой клеветѣ и, возвратившись домой, наказалъ жену за прелюбодѣяніе, отрубивъ ей лѣвую руку и лѣвый завятокъ волосъ. Все это увидѣлъ во снѣ святой Кара-Бура, отецъ Бекманы. Явившись къ Санджару и разспросивъ его о причинѣ жестокой расправы съ его дочерью, онъ объявилъ Санджару, что все сказанное послѣднимъ — ложь, и что это будетъ доказано тѣмъ, что въ ту же ночь отрубленная рука и завятокъ прораstутъ къ своему мѣсту. На утро, дѣйствительно, такъ и случилось. Затѣмъ Кара-Бура проклялъ Санджара и его городъ, и по его молитвѣ на городъ напали змѣи, которыя и уничтожили все населеніе, кромѣ самого Кара-Буры и его дочери, скрывшихся неизвѣстно куда, и одного юноши, по имени Мазы, какимъ-то чудомъ спасшагося отъ змѣй и добравшагося до Бухары, гдѣ онъ и поступилъ въ одно медресе. Городъ Джангентъ совершенно опустѣлъ, и всякій, кто проникалъ въ него, погибалъ отъ змѣй, почему всѣ старались обходить его. Разъ одинъ человекъ гналъ мимо развалинъ Джангента въ Бухару стадо барановъ. Поровнявшись съ развалинами, онъ замѣтилъ, что вокругъ рогъ барана, шедшаго впереди, обвилась змѣя. Погонщикъ сталъ раздумывать, какъ-бы убить эту змѣю, но, видя, что она никакого вреда барану не причиняетъ, оставилъ ее въ покоѣ, тѣмъ болѣе что вскорѣ замѣтилъ, что всѣ встрѣчные люди при видѣ змѣи сторонятся и стараются обходить стадо: слѣдовательно, воровъ нечего было бояться. Когда продавецъ барановъ прибылъ въ Бухару и остановился со стадомъ на базарной площади, змѣя немедленно же сползла съ рогъ барана и направилась въ то медресе, гдѣ учился Мазы; не найдя его въ той кельѣ, гдѣ онъ жилъ, она заползла въ лежавшій на полу его сапогъ. Этого никто не видѣлъ, а только угадалъ святой мулла, наставникъ Мазы. Когда послѣдній возвратился домой, мулла его предупредилъ о грозящей опасности. Мазы взявъ кетмень (лопата), вошелъ въ келью и осторожно просунулъ его ручку въ голенище сапога, а затѣмъ быстро наступилъ ногой на желѣзную часть кетменя. Вслѣдствіе этого рукоятка кетменя быстро поднялась кверху и перебросила сапогъ черезъ голову Мазы, а змѣя упала позади его. Мазы живо схватилъ опять кетмень и перерубилъ имъ змѣю. Объ этомъ

происшествіи узналъ эмиръ и потребовалъ къ себѣ Мазы, который и повѣдалъ ему исторію Джангента. Эмиръ рѣшилъ завладѣть сокровищами Джангента и послалъ къ его развалинамъ сильный отрядъ войска съ наиболѣе учеными муллами, которымъ и удалось, послѣ долгихъ молитвъ и заклинаній, заколдовать змѣй такъ, что онѣ не трогали вошедшихъ въ городъ воиновъ. Благодаря этому войны собрали всѣ несмѣтныя богатства Джангента и доставили ихъ въ Бухару эмиру, который, въ свою очередь, отблагодарилъ Мазы тѣмъ, что подарилъ ему небольшой городъ въ своемъ царствѣ. Городокъ этотъ существуетъ и по-нынѣ гдѣ-то въ Бухарѣ и населенъ потомками Мазы. Змѣи же и по сейчасъ водятся въ развалинахъ Джангента, но благодаря заклинаніямъ бухарскихъ муллъ никого не жалятъ¹⁾. Гибель Джангента имѣла мѣсто 539 лѣтъ тому назадъ. Съ Джангентомъ погибло и все царство мугаловъ.

Земли же, которыя населяли мугалы, заняли вскорѣ ногаи (татары), ханомъ которыхъ былъ Азизъ-Джаныбекъ, правившій весьма продолжительное время. Ногаевъ смѣнили — тоже на продолжительное время — калмаки, которыми правилъ ханъ Уса-Серентъ. Калмаки, въ свою очередь, были вытѣснены съ низовьевъ Сыра каракалпаками, которыми правилъ — и тоже продолжительное время — ханъ Рыскулъ. Въ это время къ низовьямъ Сыра начали уже придвигаться съ сѣвера киргизъ-казаки²⁾, которые послѣ упорной борьбы и вытѣснили оттуда каракалпаковъ въ низовья Аму-Дарьи, гдѣ сейчасъ и обитаютъ каракалпаки.

III.

Легенда о происхожденіи киргизъ-казаковъ. Первоначальное мѣстожительство ихъ. Отступление ихъ передъ русскими и легенда объ основаніи г. Оренбурга. Приближеніе ихъ къ низовьямъ Сыръ-Дарьи и столкновеніе съ каракалпаками. Богатыри Нуртай и Джылкайдаръ. Завоеваніе киргизъ-казаками земель, занятыхъ каракалпаками, и образованіе особаго союза. Ханы, правившіе этимъ союзомъ. Приходъ русскихъ на Сыръ-Дарью.

Прежде чѣмъ разсказать о борьбѣ киргизъ-казаковъ съ каракалпаками, надо пояснить, кто такіе были киргизъ-казаки, и откуда они взялись. Начало происхожденія ихъ относится еще ко времени пребыванія на берегахъ Сыра ногаевъ. Разъ къ ногаямъ прибыло съ мирными цѣлями посольство отъ русскихъ, съ которыми они до того всегда враждовали. Посольство привезло съ собою 30 воиновъ съ женами, посланныхъ русскими князьями, и, по порученію послѣднихъ, просило татарскихъ хановъ дать, въ свою оче-

1) Въ нѣсколько иной версіи легенда о гибели Джангента записана г. Александровымъ и напечатана имъ въ №№ 45 и 46 «Турк. Вѣд.» за 1885 г.

2) По-киргизски, просто «казаки».

редь, тоже 30 воиновъ съ женами, а затѣмъ поселить этотъ смѣшанный отрядъ на границахъ русскихъ и татарскихъ владѣній съ тѣмъ, чтобы изъ него могло образоваться смѣшанное полу-русское, полу-татарское племя, которое и послужило бы посредствующимъ звеномъ между двумя враждовавшими народами и способствовало-бы прекращенію постоянныхъ между ними раздоровъ. Такая идея очень понравилась татарскимъ ханамъ, и они согласились на предложеніе русскихъ князей, но только вмѣсто 30 настоящихъ воиновъ послали 30 рабовъ съ семьями. Между этими рабами особенно выдѣлялись храбростью и умомъ братья Алаша и Алачъ. И вотъ, когда татарскіе рабы съ русскими воинами шли къ мѣсту своего поселенія, то на одномъ ночлегѣ Алаша и Алачъ подговорили своихъ товарищей напасть на спавшихъ русскихъ и перебить ихъ. Это безъ труда удалось сдѣлать рабамъ, и они превратились, такимъ образомъ, въ самостоятельное племя. Алаша былъ избранъ ханомъ, а Алачъ — біемъ. Кромѣ этихъ лицъ, и даже еще больше ихъ, во вновь образовавшемся племени выдавался своими дарованіями, особенно ученостью и праведностью, одинъ человѣкъ, къ авторитету котораго обращались въ случаяхъ разрѣшенія важнѣйшихъ споровъ и дѣлъ, и который поэтому былъ прозванъ «Казы-Акъ», т. е. ученый и праведный (собственно, судья и чистый), или сокращенно «Казакъ». Уваженіе къ этому человѣку было такъ велико, что вновь образовавшееся племя стало называть себя «племенемъ Казака» или просто «казаками». Ураномъ же (боевымъ кликомъ) своимъ казаки избрали имя своего хана Алаши. Вскорѣ казачье племя размножилось настолько, что раздѣлилось на 3 орды — большую, среднюю и малую, — которыя и поселились у предгорій Алатавскихъ и Каратавскихъ горъ. По мѣрѣ размноженія казакамъ становилось тѣсно, и часть ихъ, — именно Малая Орда, — переселилась на сѣверъ и заняла степи въ верховьяхъ рѣкъ Ори и Яика (Урала).

Но тутъ имъ пришлось побывать недолго, такъ какъ скорѣ ихъ начали тѣснить съ сѣверо-запада русскіе, которые всякими правдами и неправдами постепенно отнимали у киргизъ-казаковъ ихъ земли, не останавливаясь для этого ни передъ какими хитростями. Такъ, напр., одинъ русскій купецъ, торговавшій среди киргизъ-казаковъ, выторговалъ у одного хана клочекъ земли, который могла бы занять бычачья шкура, о чемъ и заключилъ письменное условіе. Затѣмъ онъ разрѣзалъ шкуру на тонкіе ремешки, сшивъ послѣдніе и растянулъ ихъ такъ, что занялъ громадную площадь земли, которую и заселялъ выписанными изъ Россіи людьми. Образовался громадный городъ, который русскіе и называли Оренбургомъ¹⁾. Городъ этотъ послужилъ

1) Ср. легенду объ основаніи Караагана, а также преданія тобольскихъ татаръ о завоеваніи Кучумова царства Ермакомъ и якутскія, сообщенныя Н. Ѳ. Катановымъ (Преданія тобольскихъ татаръ о Кучумѣ и Ермакѣ, 1896 г.).

исходной точкой для русскихъ, которые съ тѣхъ поръ начали еще успѣшнѣе отвоевывать у киргизъ-казаковъ ихъ земли и оттѣснили ихъ скоро за рѣку Орь, вплоть до сѣвернаго берега Аральскаго моря и Кара-кумскихъ песковъ. Здѣсь-то киргизъ-казаки вошли въ соприкосновеніе съ населявшими тогда низовья Сыра каракалпаками, съ которыми у нихъ вскорѣ и завязалась ожесточенная война. Поводомъ къ этой войнѣ послужило слѣдующее происшествіе.

У каракалпаковъ былъ богатырь («батырь»), по имени Нуртай, который хвалился уничтожить киргизъ-казаковъ и говорилъ: «Казаки — камышъ, а я — коса; какъ коса выкашиваетъ камышъ, такъ и я истреблю казаковъ!». . . И вотъ этотъ богатырь сдѣлалъ набѣгъ на аулы кочевавшихъ въ Кши-кумахъ¹⁾ киргизъ-казаковъ и во время схватки убилъ ихъ богатыря Джылкайдара²⁾, а затѣмъ благополучно вернулся на Сыръ. Родственники Джылкайдара призвали на помощь всѣхъ киргизъ-казаковъ Малой Орды, которые и откликнулись на зовъ; пришло нѣсколько отрядовъ даже и изъ другихъ ордъ. Образовалось многочисленное войско, которое выступило противъ каракалпаковъ и совершенно вытѣснило ихъ съ Сыръ-Дарьи въ устья Аму-Дарьи. Это было 270 лѣтъ тому назадъ³⁾. Прогнавшіе каракалпаковъ мало-ордынскіе казаки поселились на ихъ мѣстахъ по Сыру и образовали союзъ подъ предводительствомъ Ишимъ-хана. Послѣ Ишимъ-хана послѣдовательно правили его потомки: Каипъ-ханъ, Теуке-ханъ, Канпъ-ханъ, Арынгазы-ханъ и Джангазы ханъ. Послѣдній выстроилъ себѣ близъ развалинъ древняго Джангента крѣпостцу, названную Джанъ-калою и сдѣланную имъ столицей⁴⁾. Сынъ Джангазы-хана Назаръ-ханъ былъ избранъ ханомъ въ Хивѣ, а у киргизъ-казаковъ, поселившихся на Сырѣ, по смерти Джангазы-хана больше хановъ не было. Да вскорѣ послѣ смерти Джангазы-хана пришли въ край русскіе, покорили киргизъ-казаковъ и самостоятельное существованіе послѣднихъ прекратилось.

Такимъ образомъ территорію нынѣшняго Казалинскаго уѣзда послѣдовательно занимало семь народовъ: адагы, катаганъ, мугалы, ноган (татары), калмаки, каракалпаки и киргизъ-казаки.

Ал. Нестеровъ.

Казалинскъ. 21 января 1899.

1) Въ нынѣшнемъ Иргизскомъ уѣздѣ.

2) Изъ рода Джаканмъ. Потомки его, во главѣ съ его правнукомъ Дарменкуломъ, бывшимъ управителемъ Раимской волости (сынъ Джылкайдара—Байчука и ввукъ, Байсалбай), до сихъ поръ живутъ на нижнемъ Сырѣ.

3) Явная ошибка со стороны рассказчика, относящаго это событіе къ болѣе позднему времени, чѣмъ основаніе г. Оренбурга; генеалогія потомковъ Джылкайдара говоритъ также противъ даты рассказчика.

4) Развалины Джанъ-калы, существующія и по-нынѣ, и протекающій около нихъ «Джанъ-арыкъ» киргизы и теперь часто называютъ «Джангазы-кала» и «Джангазы-арыкъ».